

O.K. Клименко

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Несмотря на широко распространенное мнение, что США являются англоговорящей страной, языковое разнообразие было и остается частью американской реальности с колониальных времен. США стали домом для большего числа говорящих на иммигрантских языках, чем любая другая страна в современном мире. В последние десятилетия США испытывали возрастающий уровень иммиграции. За период с 1991 по 2000 г. США получили больше иммигрантов, чем с 1901–1910 гг., и иммиграция продолжает расти в первые годы XXI в. В отличие от массовой иммиграции, которая характеризовала последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в., недавние иммигранты приехали не из Европы, а, в основном, из Латинской Америки и Азии. В 2000 г. общее количество иностранного населения США составило 28,4 млн., 51% из которых – из Латинской Америки и Карибского бассейна, 25,5 – из Азии, 15,3 – из Европы и 8,1% – из других регионов. 34% родились в Мексике или Центральной Америке. Хотя иммигранты имеют тенденцию оседать в Калифорнии, Нью-Йорке, Флориде, Иллинойсе, Нью-Джерси и Техасе, в последние годы они рассеяны фактически по всем штатам. С языковой точки зрения наиболее явными последствиями иммиграции являются увеличение количества людей, которые используют неанглийский язык, постоянно растущее число осваивающих английский как второй язык и сдвиг в сторону английского у детей и внуков иммигрантов. По переписи населения 2000 г. (US Bureau of the Census 2000) более чем один человек из шести в возрасте 5 лет и старше говорит дома на род-

ном, неанглийском языке. В 1990-е годы число испаноговорящего населения в США увеличилось на 10 238 575 человек, или на 57,3%. Другие языки также продемонстрировали значительный рост. Число русскоговорящих возросло на 192%, говорящих на вьетнамском – на 99, на арабском – на 77,4, на китайском – на 61,8%. В то время как число говорящих на испанском, азиатских и русском языках увеличилось в 1990-е годы, количество говорящих на большинстве европейских языков, которые были завезены в США более ранним поколением иммигрантов, уменьшилось. Число говорящих на итальянском уменьшилось на 22,9%, на немецком – на 10,6%. Более тщательное исследование по штатам дает более ясную картину изменений, которые произошли в последние годы. Р. Бейлей (Bayley, 2004) дает информацию о том, на каких языках говорят в США, и о возрастющем разнообразии языков, вызванном иммиграцией, о трудностях изучения английского в некоторых сообществах, о продолжающейся сильной тенденции языкового сдвига от иммигрантских языков к английскому и сложностях, с которыми сталкиваются иммигрантские сообщества в сохранении «наследуемых» языков.

В отличие от большинства других стран, в которых существует многоязычие, в США мало говорящих на неосновных языках, которые отдалены от своего иммигрантского происхождения больше чем на два поколения. Это означает, что: 1) внуки и правнуки американских иммигрантов одноязычны, говорят на английском языке и потеряли непосредственный контакт с говорящими на языке, привезенном в США их дедами и прадедами; 2) мало коренных американцев все еще говорят на традиционных коренных языках; 3) путешествия, работа и образование не способствуют ежедневному общению (развитию беглости речи) на каком-либо из иммигрантских языков (Fishman, 2004). США – страна большей частью основанная иммигрантами, и ее социальная динамика была такова, что вплоть до настоящего момента любое многоязычие ее жителей обычно говорит об их достаточно недавнем иммигрантском статусе. Если принять во внимание тот факт, что общее число одноязычных говорящих на неанглийском языке (NES) сейчас составляет только примерно от 2 до 5 млн., а общее число многоязычных говорящих, у которых родной язык неанглийский (NEMT), – около 25–30 млн. человек, становится очевидным, что процесс языкового сдвига (или потери родного языка) является

преобладающей тенденцией почти с момента основания страны. На протяжении 225 лет американской истории никогда не было разрыва в более чем два поколения между влиянием одного периода массовой иммиграции и влиянием следующего периода иммиграции. Начиная с относительно большого французского присутствия в конце XVIII в. (до создания США) вдоль границы с Канадой, где шло создание французских церквей, приходских школ и периодических изданий, и появления сконцентрированных немецких поселений в Пенсильвании и Огайо с их сотнями церквей и закрытыми сообществами, история продолжается более чем 200 лет. После Революции пришла волна ирландской массовой иммиграции начала XIX в., когда Бостон и Нью-Йорк стали столицами динамично развивающейся прессы, книжно-издательской и церковной культур. Затем в середине XIX в. наступила вторая волна немецкой массовой иммиграции, когда сотни немецких школ, церквей, газет, книг и даже колледжей заполонили американский Средний Запад. Вскоре после этого началось прибытие миллионов иммигрантов из Южной и Восточной Европы. Этот процесс продолжался с 1880-х до начала 1920-х, приведя к появлению в США итальянцев, евреев, поляков, украинцев и южных славян. Менее чем через 50 лет после этого началась латиноамериканская и азиатская / тихоокеанская иммиграция, которая стремительно продолжается. Автор приходит к выводу, что в истории США никогда не было достаточно времени, чтобы создать полностью одноязычное, монокультурное общество, однако узаконенное многоязычное / многоэтническое общество также не развилось.

Кажется, что двух поколений достаточно, чтобы уничтожить навыки родного языка и стереть культурную память, а также чтобы не противодействовать ущербу, происходящему от дискриминации, маргинализации и разочарования в культурной демократии, на которой основываются этническое самосознание и движение за ревернакуларизацию. Д. Фишман (Fishman, 2004) полагает, что языковые ресурсы США растрачивались и уничтожались (в худшем случае) или пренебрегались и игнорировались (в лучшем случае), за исключением совсем недавних иммигрантов и некоторых нетипичных, «экзотических случаев», и задается вопросом, почему это произошло и обречена ли история повторяться без конца. На протяжении всего XX в. «большой шестеркой» языков были немецкий (половина говорящих была протестантами,

половина – католиками), итальянский, французский, испанский, польский (подавляющее большинство говорящих – католики) и идиш (все восточноевропейские евреи, называемые ашкенази). Тем не менее ни престиж большинства этих языков, ни число говорящих на них, ни мировое использование их в торговле, промышленности, научных исследованиях, контактах со старым миром не спасли их от участи, постигшей другие, менее крупные языки в США, более далекие в культурном плане от Запада и гораздо менее практически полезные. Даже будущее испанского языка, этого «мачо» на неанглийской сцене последних двух десятилетий, должно рассматриваться, по мнению автора, с тревогой и беспокойством. Автор приводит примеры того, как носителям неосновных языков в других странах удалось обеспечить передачу родного языка от поколения к поколению (французского – в Канаде, арабского и македонского – в Австралии, немецкого и идиша – в Латинской Америке, английского, идиша и русского – в Израиле), и задается вопросом, почему американская почва оказалась такой «каменистой» для иммигрантских языков. Отмечается, что ослабление многоязычия в США происходило неравномерно на протяжении последних двух веков и не может быть представлено одной, беспрерывной нисходящей линией. Периодически повторяющиеся подъем и спад неанглийских языков в США демонстрируют существенные изменения по степени и скорости на протяжении времени. Существуют годы и даже десятилетия, когда подъем продолжался довольно долго в результате приезда новых иммигрантов – носителей определенного языка, которые оседали в непосредственной близости друг от друга и концентрировались относительно других жителей, в особенности англоговорящих. Даже некоторые относительно небольшие языковые группы, такие как немцы в Пенсильвании (все они говорят и читают на английском и одновременно говорят на пенсильванише и слушают проповеди в лютеранских приходах на немецком языке), достаточно преуспели в сохранении своих родных языков, обосновываясь в сельских районах, где они могли дистанцироваться от остальных. То же самое справедливо в отношении говорящих на идише ультраортодоксальных евреях, хотя они в своем большинстве проживают в городах. Аналогично говорящие на французском языке в северных штатах, граничащих с канадской провинцией Квебек, – Вермонте, Нью-Хэмпшире и Мэне, сохранили свой язык более успешно, чем в Массачусетсе

и Род-Айленде, которые находятся дальше от канадской границы. Испаноговорящие жители созданных сельских сообществ Техаса, Нью-Мексико и Аризоны успешно поддерживали свой родной язык на протяжении шести-восьми поколений в отличие от вновь прибывших на Средний Запад. Хамтрамик, польский город в штате Иллинойс, является примером сохранения родного языка, религии и культуры. Еще один пример успешного сохранения родного языка в США – немецкий амиш старого порядка в Пенсильвании и меннонитов, а также идиш евреев-хасидов. Их благополучная судьба зиждется в первую очередь на их неучастии в американской светской и церковной жизни и ограниченном общении с англоговорящими американцами за пределами экономической сферы. Автор полагает, что такая самоизоляция, отказ от модернизации не является образцом, доступным и допустимым для большинства других американцев неанглийского происхождения. Необходимым предварительным условием для передачи от поколения к поколению родного языка, иммигрантского или коренного, оказывается, в первую очередь, компактное проживание. Оно обеспечивает то, что основная часть неформального общения, с которой дети и молодежь сталкиваются в сфере «семья – квартал – поселение», будет происходить на этнически родном языке. Оно не обязательно должно быть связано с полной изоляцией, как в случае с хасидами, амишами старого порядка и меннонитами, а может корениться в самой религии, этнокультурной принадлежности или ожидании этнокогнитивного накопления или даже уверенности, что многоязычие даст возможность внести вклад от имени нации, разделив «богатство», происходящее от многоязычия наций в целом.

Большинство иммигрантских групп в США испытали языковой сдвиг в сторону английского как следствие ассимиляции в американскую жизнь (Baker, 2006). Первое поколение иммигрантов поддерживало свой родной язык, параллельно изучая английский язык. У второго поколения, которое стремится к ассимиляции в англоговорящем сообществе, начинается сдвиг в сторону английского языка. При этом оно использует родной язык в общении с представителями первого поколения (родителями, бабушками и дедушками) и английский в официальных ситуациях. Постепенно английский начинает использоваться в ситуациях, предусмотренных для первого языка. Вторжение английского в сферу, предусмотренную для первого языка, приводит к дестабилизации родно-

го языка. В результате третье поколение полностью прекращает использовать родной язык. Однако «сдвиг в третьем поколении» не единственная возможная модель потери родного языка. Полстон (Paulston, 1994) в качестве примера «сдвига в четвертом поколении» приводит ситуацию, в которой находятся греки в Питсбурге. Автор объясняет более медленный сдвиг у них в сторону английского использованием нормативной, престижной письменной формы греческого языка, которая обеспечивает грамотность и доступ к образованию и поддерживается в греческих церквях в Питсбурге, а также браками, в которых один из супругов является одноязычным греком из Греции. У итальянцев, живущих в Питсбурге, происходит сдвиг в «третьем поколении» в сторону английского языка в силу использования устной, непрестижной диалектной формы итальянского языка и отсутствия поддержки итальянского языка со стороны церкви, так как служба в римско-католических храмах идет на английском языке. При заключении брака принадлежность супругов к одной церкви – римско-католической – оказывается важнее языковой общности. Амишам в Пенсильвании удалось избежать «сдвига в третьем и четвертом поколениях» в результате сохранения жестких границ между ними и внешним миром.

С точки зрения В. Эдвардса (Edwards, 2004), сдвиг в сторону английского языка часто отражает pragматическое желание улучшить условия жизни. Иногда между риторикой, связанной с сохранением родного языка, и жестокой реальностью жизни оказывается пропасть. Это демонстрирует Б. Шпольски (Spolsky, 1989) следующим примером. Студентка из племени навахо говорит, что если ей придется выбирать между жизнью в хогане в миле от ближайшего источника воды, но ее сын при этом вырастит, разговаривая на навахо, и жизнью в доме с водопроводом, где она будет разговаривать с соседями на английском языке, она выберет английский и ванную. Однако у языковых меньшинств не всегда есть возможность выбора. Когда говорящие на малых языках становятся билингвами и предпочитают основной язык, неизбежным результатом для малого языка будет упадок или даже гибель. Однако когда носители языка полны решимости его поддержать, его невозможно уничтожить. В Пуэрто-Рико, управляемой территории США, правительство ввело английский язык в школах, пытаясь установить двуязычие на острове. При этом более 2/3 населения одноязычны и говорят на испанском языке. М.С. Резник (Resnick, 1993) показал,

как национализм, политическая неуверенность и связь между языком и самоопределением заставляют некоторые группы пуэрториканцев сопротивляться использованию английского языка. Контакты между этническими группами с различными языками не всегда происходят безконфликтно (Nelde, 1997). В США возникает конфликт по поводу определения места, которое занимают английский и иммигрантские языки. Существует движение «English-Only», которое борется за то, чтобы только английский был официальным языком нации. Английский язык, унаследованный со временем британской колонизации, является *de facto* официальным языком в США, на котором ведутся все государственные дела, но не был принят правительством в качестве официального языка Соединенных Штатов. В некоторых штатах английский служит официальным языком наряду с испанским, французским и гавайским языками. В языковой политике США находят отражение стремление к самоопределению и патриотизм. Эта политика основывается на поддержке английского языка, приводящей к возрастающему доминированию английского языка над иммигрантскими языками. Выделяя три статуса английского языка (английского как первого, второго и иностранного языка), В. Эдвардс (Edwards, 2004) подчеркивает, что в США английский является единственным языком большинства населения. Коренные американские языки и другие этнические языки, на которых говорят иммигранты из Европы, уступили место английскому языку, что стало символом национальной сплоченности. В США 98% взрослого населения говорит на каком-то уровне английского языка или вариантах английского языка. Ф. Гросджин (Grosjean, 2010) отмечает, что увеличение использования других языков не означает упадка английского языка в США, которые становятся более двуязычными, чем раньше, но медленне, чем остальной мир. Ср.: в Соединенных Штатах билингвы составляют 17% населения, в Канаде – 35, в Великобритании – 38, а в Европе в целом – 56%.

Английское одноязычие автоматически связывается с более престижной работой, а двуязычие – с менее квалифицированной. В городах США, в которых большой процент испаноговорящего населения, многие учителя являются монолингвами, говорящими на английском языке. Повара, уборщицы, секретари и дворники в школе могут быть билингвами, что несет определенное послание ученикам и родителям. У учеников может сформироваться под-

сознательное чувство, что монолигвы, говорящие на английском языке, имеют более престижную, хорошо оплачиваемую и безопасную работу, а те, у кого испанский – «домашний» язык, а английский – второй, относятся к низшему классу и имеют менее престижную работу (McGroarty, 2008). Однако владение английским не обеспечивает автоматически престижную работу и благосостояние. Языковая ассимиляция не означает непременного включения в экономическую структуру страны. Если происходит рост этнического бизнеса в городских и сельских регионах, тогда билингвизм скорее, чем английский монолингвизм, становится более экономически значимым. Так, формирование анклава кубинской экономики в Майами показывает роль испанского языка, в развитии экономики части этого города. Приток кубинцев в Майами в 1960-е годы, наличие капитала, квалифицированной рабочей силы, готового рынка сбыта продукции, достаточного количества кубинского населения для того, чтобы поддерживать кубинский бизнес, привели к экономическому успеху анклава. Этот регион США также демонстрирует преимущество в зарплате для билингвов в районах, где распространен малый язык. Исследование показало, что во Флориде билингвы (испанские / английские) имеют преимущество в зарплате над англоговорящими монолингвами в среднем на 2 тыс. долл., а над монолингвами, говорящими на испанском, – на 7–8 тыс. долл. Это происходит потому, что Флорида является центром торговли с Латинской Америкой (около 1/3 всего торгового оборота США) и странами Карибского региона (примерно 1/2 торговли США).

Одни билингвы живут в двуязычных и многоязычных эндогенных сообществах, другие билингвы живут в более монолингвальных и монокультурных регионах. Если отсутствует сообщество второго языка – контекст экзогенный (русские билингвы в США). Некоторые контексты могут быть субстративными, когда политика страны способствует замене «домашнего» языка основным языком (замена испанского английским в США). Это касается, в основном, иммигрантских языков. Когда разные языки, малые и основные, выполняют разные функции, имеет место скорее аддитивный, а не субстративный билингвизм. Это происходит, когда добавление второго языка не приводит к замещению первого. Говорящие на английском в США, изучая французский или испанский, не теряя английского, приобретают другой язык.

С. Ромейн (Romaine, 2002) считает, что многие заявления, касающиеся языковой политики, являются по сути декларациями, в которых отсутствует какой-либо план. Несмотря на то что Акт по коренным языкам Америки (The Native American Languages Act (NALA)) от 1990 г. является одним из самых четко сформулированных заявлений, касающихся языка, когда-либо сделанных Конгрессом США, он представляет собой классический пример политики, лишенной конкретного плана и способов осуществления этой политики, направленной на поддержание языков. Среди прочих заявлений в этом Акте утверждается, что Соединенные Штаты Америки несут ответственность вместе с коренными американцами за сохранение их уникальных культур и языков и защиту и обеспечение прав и свободы коренных жителей Америки использовать и развивать коренные языки Америки. Теперь, когда коренные языки практически вымерли, отмечает Г. Шиффман (Schiffman, 1996), и не представляют ни для кого никакой опасности, они могут получить особый статус. Однако это не означает, что политика, направленная на поддержание языков, совершенно бесполезна. Например, поправки от 1978 г., внесенные в Конституцию Гавайских островов и провозглашающие официальными языками штата гавайский и английский, снабжают защитников гавайского языка необходимыми средствами его защиты. Г. Шиффман (Schiffman, 1996) подчеркивает, что идея о том, что языковые права нуждаются в защите, никогда не была частью американской культуры и важной для американских судов, за исключением случаев, связанных с равенством при получении образования. Отсутствие планирования на федеральном уровне привело к неразберихе в политике, потенциально противоречащей местным или другим федеральным законам. Гавайи – единственный штат, в котором существует официальный язык помимо английского – гавайский. Статья XV, раздел 4 гласит, что английский и гавайский должны быть официальными языками на Гавайях. Вторая поправка (статья X, раздел 4) содержит постановление возродить гавайский язык, который является важным для сохранения гавайской культуры. Можно привести два примера, связанных с судебным иском под эгидой NALA, оба выдвинутых коренными гавайцами. Уполномоченное лицо В. Тагупа отказался давать показания в суде на английском языке, несмотря на свободное владение английским, ссылаясь на статью XV, раздел 4 и NALA, запрещающие Федеральному суду требовать, чтобы

свидетельские показания давались на английском языке. Отказав В. Тагупе в требовании давать показания на гавайском языке, федеральный окружной судья заявил, что NALA направлено на использование коренных американских языков в системе образования, а не в судебных процессах федеральных судов. Он также сослался на слова президента Буша, что NALA является актом общей политики и не должен пониматься как частное право любого лица или группы лиц (Lucas, 2000). Более того, судья высказал мнение, что разрешение давать свидетельские показания на гавайском языке противоречило бы Федеральному закону гражданских процедур, который предписывает быстрое и не требующее больших затрат решение каждого вопроса, к чему привело бы использование услуг переводчика. В 1996 г. Департамент по проблемам Гавайских островов (ОНА) возбудил судебное дело против Департамента образования по поводу того, что Департамент образования не выделяет достаточно материальных и технических средств для поддержания программы обучения гавайскому языку. Тот же самый федеральный судья, который выносил решение относительно дачи свидетельских показаний, вынес решение против Департамента по делам Гавайских островов, утверждая, что NALA не предполагает никаких обязательств со стороны штата, а лишь демонстрирует федеральную политику, поощряющую штаты поддерживать коренные американские языки. В 2000 г. Департамент образования и Департамент по проблемам Гавайских островов (ОНА) достигли договоренности вне суда, согласно которой каждый из них вкладывает дополнительные финансы на общую сумму 7,5 млн. долл. В ноябре 2000 г. 63% избирателей штата Аризона проголосовали за прекращение двуязычного обучения в штате и замену его одним годом погружения в английский язык под лозунгом «Английский детям» (Закон 23). Инициатором этого Закона был Рон Унз, который представлял себя в качестве сторонника ассимиляции и поддержал аналогичную успешную инициативу в Калифорнии в 1998 г. (Закон 227). Закон 203 рассматривался как угроза языкам, на которых говорят индейские племена штата Аризона. Сенатор от штата Аризона Джек Джексон, по происхождению индеец навахо, сделал запрос, относится ли этот закон к племени навахо. Он получил ответ, что этот закон не относится ни к одному из индейских племен Аризоны, живущих в резервациях или за их пределами, и что принципы суверенитета племен и право

коренных американцев выражать себя через использование родных языков не должно ограничиваться какими-либо общественными процедурами, включая образовательные программы.

Ближайшим соперником английского языка в США является испанский язык, который занимает в США второе место по количеству говорящих после английского (Lipski, 2008). К. Потовски и М. Каррейра (Potowski, Carreira, 2010) приводят следующие статистические данные по испанскому языку в США. По переписи населения 2007 г. испаноговорящее население в США составляет 34,5 млн. человек (без учета Пуэрто Рико, где на испанском говорит почти каждый). Испаноговорящее население выросло на 62% с 1990 по 2000 г. и еще на 23% – с 2000 по 2007 г. США – пятая по количеству испаноговорящих страна после Мексики, Колумбии, Испании и Аргентины. Самое большое количество испаноговорящего населения – в штатах Нью-Мексико (44%), Техасе (35%), Аризоне (29%), Неваде (24%) и Флориде (20%). Некоторые малонаселенные территории США – штат Нью-Мексико и Западный Техас – имеют большую концентрацию испаноговорящего населения. А.С. Зентелла (Zentella, 2004) описывает происхождение и характер испанского языка Северо-Востока – в штатах Новой Англии, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Пенсильвании. На испанском на Северо-Востоке США говорят иммигранты из Карибского региона, Центральной и Южной Америк, а не иммигранты из Мексики, как на юго-западе. По отношению к ним на северо-востоке используется термин «латинос». Иммигранты из вышеупомянутых регионов часто пренебрегают своей принадлежностью к определенному государству, чтобы объединиться между собой или с американским обществом в своей любви к спорту, кино и инситутам демократии. Испанский язык служит средством объединения всех испаноговорящих иммигрантов-латиноамериканцев, которые называются «испанским сообществом», как бы представляя собой монолитную группу. Однако различные варианты испанского, на которых говорят самые большие группы латиноамериканцев на северо-востоке, иногда служат национальными флагами, способствующими их самоидентификации. Испанский и его варианты рассматриваются автором с антрополитической точки зрения. Под этим термином понимаются демографическая, социально-экономическая и политическая реальности. Северо-восток США (шесть штатов Новой Англии (Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-

Хэмпшир, Род-Айленд, Вермонт) плюс Нью-Джерси, Нью-Йорк и Пенсильвания) стали домом для 5,2 млн. латинос, или 15% от 35 млн. всех латинос, проживающих в США согласно данным 2000 г. На Среднем Западе произошло самое большое увеличение испаноговорящего населения (81%), но Запад остается регионом с самым большим количеством говорящих на испанском. Хотя количественное и историческое присутствие испаноговорящих характеризует прежде всего запад США, национальное многообразие говорящих на испанском, контактирующих между собой и с говорящими на других языках, в первую очередь английском, самое большое на северо-востоке США. Одна группа латинос – пуэрториканцы – доминировала в Нью-Йорке с начала XX в., но со временем другие города стали привлекать латинос, и другие группы латинос стали увеличиваться с большей скоростью, чем пуэрториканцы. В частности, доминиканцы составляют более 20% латиноамериканцев, проживающих в Нью-Йорке. Они изменили состав иммигрантских анклавов в других городах и штатах. Каждый штат северо-востока США имеет по крайней мере один город, в котором проживает испаноговорящее население из какой-то одной страны. Самое большое кубинское сообщество за пределами Флориды живет в Юнион Сити, штат Нью-Джерси, а колумбийцы распространялись за пределы своей основной территории проживания (Джексон Хайтс (Куинс, Нью-Йорк) на Лонг-Айленде и другие штаты. Наиболее удивительное изменение, которое произошло в 1990-е годы, – это прибытие на северо-восток США большого числа мексиканцев. Долгое время они доминировали на юго-западе, западе и Среднем Западе, их присутствие было незначительным на северо-востоке до тех пор, пока в 1986 г. не была принята Реформа об иммиграции (*Immigration Reform and Control Act*). Принятие этой реформы привело к 173%-ному росту числа мексиканцев в Нью-Йорке, которое в 1980 г. составляло всего лишь 13 тыс. человек. Одним из свидетельств этого стало растущее количество *taquerias*, торгующих национальной мексиканской едой, которые заменили пиццерию и рестораны *cuchifrito* – национальной пуэрториканской еды. Количество мексиканцев увеличилось и в соседних штатах, так что, по результатам переписи населения 1990 г., мексиканцы оказались второй по количеству после пуэрториканцев группой испаноговорящего населения в трех северо-восточных штатах (Пенсильвании, Коннектикуте и Нью-Хэмпшире) и

лидирующей группой в двух штатах (Вермонте и Мэне). Пуэрто-риканцы по-прежнему превосходят по количеству других испаноговорящих жителей в семи из девяти штатов региона. Представители двух других стран Карибского региона – Доминиканской Республики и Кубы – привнесли карибский колорит в северо-восток США. Это объясняет, почему слово *salsa* в этом регионе означает ритм карибского танца, а не приправу, как на юго-западе. Но представители Карибского региона находятся все в большем контакте с иммигрантами из различных латиноамериканских стран. Например, доля представителей Карибского региона в населении Нью-Йорка упала с 72% в 1990 г. до 57% в 2000 г. Группы, которые вытеснили карибцев, включают эквадорцев и аргентинцев в Нью-Джерси, сальвадорцев, гватемальцев и гондурасцев в Массачусетсе, перуанцев в Коннектикуте. Мексиканцы преобладают среди испаноговорящих в двух из четырех самых маленьких и самых северных штатов – Мэне и Вермонте. Языковая ситуация в Нью-Йорке заслуживает, с точки зрения автора, самого тщательного рассмотрения, так как характеризуется самым ранообразным смешением латиноамериканцев в регионе, если не в стране. 2 млн. латиноамериканцев составляют 27% населения города. В Нью-Йорке больше испаноговорящих, чем в 13 латиноамериканских столицах (Garsia, 1997). По крайней мере 10 тыс. представителей каждой из 14 стран Карибского региона, Центральной и Южной Америк были зафиксированы в числе жителей Нью-Йорка в 1990 г. В 2000 г. самыми большими группами латиноамериканцев в Нью-Йорке были пуэрториканцы (38% всех латиноамериканцев) и доминиканцы (18%). Количество кубинцев уменьшилось до 1,9%, но выходцы из Южной Америки, в основном Колумбии, Эквадора и Перу, с меньшим количеством представителей Аргентины, Чили, Боливии, Венесуэлы и Уругвая составили 10,9% латиноамериканского населения Нью-Йорка. Центральная Америка, в основном Сальвадор, Панама и Гондурас, в меньшем количестве Гватемала, Никарагуа и Коста-Рика представлены 4,6%. К 2010 г. количество иммигрантов из Центральной и Южной Америк впервые превысило количество карибцев, живущих в Нью-Йорке.

Анализ миграции в современном мире отмечает популярную до недавнего времени бимодельную схему, которая предполагает два исхода – постоянное проживание или возвращение. Судьбы иммигрантов из Карибского региона и Латинской Америки не со-

отвечают этой схеме, а представляют переходную модель, в формировании которой родной язык играет немаловажную роль. Те, кто продолжает говорить на языке своих соотечественников, тем самым демонстрируют, что они не разорвали связи со своей родиной. В каждом латинском квартале существуют товары и службы, которые помогают поддерживать связь с родиной и между членами семьи, проживающими в США и Латинской Америке. Агентства по обналичиванию чеков и переводу денег возглавляют список этих служб. Суммы, которые латиноамериканцы отсылают домой, составляют сотни миллионов долларов в год только в одном Нью-Йорке. В латинских кварталах (*barrío*) на главной улице можно увидеть рестораны с национальной едой (*comida típica*), международные телефонные будки, бюро путешествий, агентства по международным перевозкам, газетные киоски, которые продают несколько из 25 испаноязычных газет, которые доставляются на самолете на северо-восток США каждый день. Местное произношение, лексика, интонации, приветствия, шутки, прощальные речи – все это иллюстрация «домашней» культуры, которая поддерживает переходные формы самоидентификации. Во многих городах северо-востока выходцы из стран Латинской Америки объединяются в церквях, клубах по интересам, футбольных командах. Часто общение с испаноговорящими из разных стран Латинской Америки и доминирующая роль английского вносят изменения в испанский язык, на котором говорят на северо-востоке США. Все это способствует формированию самоидентификации, которая пересекает национальные границы и названа автором «панлатино». Переходные формы самоидентификации и «панлатино» не обязательно конкурируют между собой. Некоторые латиноамериканцы почеркивают свою национальность, другие идентифицируют себя как «латинос» или «хиспаникс» (*Hispanics*). Те, кто живет, учится и работает с афроамериканцами, включают их в объединяющее «мы» или (исп. *nosotros*) как признание их общего статуса национального меньшинства. Самоидентификация латиноамериканцев на северо-востоке США может выражаться в большом количестве диалектов, которыми они владеют. Один пуэрториканский квартал в Восточном Гарлеме в Нью-Йорке оказался пристанищем для пяти вариантов испанского (разговорного пуэрториканского, кубинского, доминиканского, литературного пуэрториканского, испанского с доминирующим английским) и четырех

рех вариантов английского (пуэрториканского, афроамериканского, испанизированного и стандартного нью-йоркского). Использование каждого из этих диалектов связано с полом и возрастом говорящего. Другие сообщества характеризуются иными смешениями диалектов. Испанские диалекты Латинской Америки более близки друг к другу, чем диалекты испанского языка в Испании, что объясняется тем, что они моложе по происхождению. Королевская академия испанского языка старается регулировать нормы пользования языком с помощью словарей и правил грамматики, что помогает испаноговорящим народам понимать друг друга. Диалекты испанского языка, которые можно услышать наиболее часто на северо-востоке США, – это карibbeanские: пуэрториканский, доминиканский и кубинский.

Испанский язык на юго-западе США имеет давнюю историю, которая находит отражение в названиях больших и малых городов, рек и горных хребтов. Более 18% населения юго-западных штатов США (Аризоны, Калифорнии, Колорадо, Нью-Мексико и Техаса) называют испанский разговорным языком. Несмотря на пропагандируемое СМИ мнение, К. Сильвия-Корвалан (*Silvia-Corvalan*, 2004) подчеркивает, что испаноязычное население на юго-западе США относится очень положительно к английскому языку. В 1990 г. 73% тех, кто дома говорит на испанском, сообщили, что хорошо владеют английским. Если в первой половине XIX в. испанский был престижным языком юго-запада США и больше повлиял на английский, чем английский на испанский, то на протяжении XX в. английский внес больше слов в испанский язык. В отличие от испанского северо-востока США, который представлен различными диалектами, распространенными в Латинской Америке, испанский юго-запада – это, в основном, вариант мексиканского испанского с заметным влиянием английского на его лексику. По отношению к испаноамериканскому населению юго-запада США автор использует термин «хиспаникс» (*Hispanics*), который употребляется Бюро переписи США (*US Census Bureau*). Испаноамериканское население юго-запада США ведет историю с XVI в., когда первые экспедиции испанцев из Мексики пришли в регион. Перепись населения 2000 г. показала, что 12% населения США – «хиспаникс» по происхождению, и «хиспаникс» являются самой большой группой национальных меньшинств в США. Эта этническая группа быстро растет в результате высокой рождаемости и чистой

иммиграции. Предполагаемый рост испаноамериканского населения на юго-западе не обязательно предполагает такой же рост испаноговорящих, так как у иммигрантов после переезда в США быстро происходит сдвиг в сторону английского языка. Процент испаноговорящих с 1980 по 1990 г. не увеличился пропорционально росту испаноамериканского населения. Поддержание испанского языка на юго-западе США зависит в большей степени от процесса иммиграции, поддержания связей с семьями, друзьями и коллегами по бизнесу, оставшимися на родине, испаноязычного телевидения, радио и рекламы, а не от передачи языка от поколения к поколению. По данным 1990 г., Калифорния, Аризона и Техас продемонстрировали самые высокие показатели сохранения испанского языка от поколения к поколению, Нью-Мексико и Колорадо – самые низкие (см. также: Garland and Vigil, 2008). В каждом из этих штатов лояльность по отношению к испанскому языку ниже у представителей молодого поколения, что отражает тенденцию к быстрому сдвигу в сторону английского языка.

Особенностью испанского языка юго-запада является влияние пачуко, арго или исп. *calo*, изначально ассоциируемое с «хулиганами-стилягами», группами мексиканских рабочих, которые происходили из Эль-Пасо в начале 1930-х годов (пачуко – на сленге Эль-Пасо) и позже распространились в других городах юго-запада. Пачуко содержит элементы разговорного испанского Испании и Мексики, американского английского и языка цыган наряду с вновь образованными словами и выражениями. В течение 30 лет пачуко использовался как тайный язык мексикано-американских и молодежных банд чикано. Слово «пачуко» вышло из употребления, будучи заменено на «чоло» (исп. *cholo*), «бато локо» (исп. *vato loco*) и другие слова, обозначая людей или арго, на котором они говорят. Большая часть слов в современном языке носит приличный характер и употребляется в разговорном языке, в основном мужчинами. Такие слова, как *vato* (чувак), *carnal* (приятель), *ram-fla* (машина), *placa* (полиция), широко употребляются в разговорной речи молодого поколения. Автор отмечает, что испанский язык на юго-западе США варьируется от литературной формы, разговорной нормативной и разговорной ненормативной формы до сленга и сниженной формы. Постоянный приток многочисленных иммигрантов из разных стран Латинской Америки привел к увеличению числа различных диалектов испанского языка на юго-

западе США. Если к этим демографическим изменениям добавить отсутствие процесса стандартизации испанского языка в США, то неоднородность испанского языка, обнаруживаемая среди иммигрантов, неудивительна. Напротив, «хиспаникс», родившиеся в США, говорят на достаточно однородном варианте испанского языка, характерном для ситуации билингвизма, отличающейся упрощенной грамматикой и лексикой, заимствованиями из английского языка и кодом переключения с испанского на английский и обратно в течение одного разговора. В то время как поддержка испанского существует на общественном уровне, сдвиг в сторону английского происходит на семейном или индивидуальном уровнях. Дети первого поколения иммигрантов могут усвоить испанский язык дома, но у большинства из них начинает преобладать английский язык по мере того, как они проходят двухязычную переходную программу обучения или программу погружения в английский. В заключение автор подчеркивает, что американское общество движется к испанско-английскому билингвизму, который в ближайшие 20–25 лет будет нормой общения, в первую очередь в деловой сфере.

Список литературы

1. *Baker C. Foundations of bilingual education and bilingualism.* – 4th ed. – N.Y.: Multilingual matters, 2006. – 492 p.
2. *Bayley R. Linguistic diversity and English language acquisition // Language in the USA: Themes for the twenty-first century.* – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 115–132.
3. *Edwards V. Multilingualism in English-speaking world.* – Oxford: Blackwell, 2004. – 253 p.
4. *Fishman J.A. Multilingualism and non-English mother-tongues // Language in the USA: Themes for the twenty-first century.* – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 115–132.
5. *Garcia O. New York's multilingualism: World languages and their role in a US city // Multilingual apple: Languages in New York city communities.* – In.: Mouton de Gruyter, 1997. – P. 3–50.
6. *Garcia R., Diaz C. The status and use of Spanish and English among Hispanic youth in Dade county (Miami) Florida: A sociolinguistic study // Lang. a. education.* – Oxford, 1992. – Vol. 6, N 1. – P. 13–32.
7. *Garland D.B., Vigil N.A. The Spanish language of New Mexico and Southern Colorado: A linguistic atlas.* – Albuquerque: Univ. of New Mexico press, 2008. – 383 p.

8. *Grosjean F.* Bilingual: Life and reality. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2010. – 276 p.
9. *Hudson R.A.* Sociolinguistics. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2001. – 279 p.
10. *Lipski J.M.* Varieties of Spanish in the United States. – Wash.: Georgetown univ. press, 2008. – 303 p.
11. *Nelde P.* Language conflict // The handbook of sociolinguistics. – Oxford: Oxford univ. press, 1997. – P. 285–300.
12. *Paulston C.B.* Linguistic minorities in multilingual settings: Implications for language policies. – Amsterdam: Benjamins, 1994. – 136 p.
13. *Potowski K.* Language diversity in the USA: Dispelling common myths and appreciating advantages // Language diversity in the USA. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – P. 1–24.
14. *Potowski K., Carreira M.* Spanish in the USA // Ibid. – P. 66–80.
15. *Resnick M.C.* ESL and language planning in Puerto Rican education // TESOL quart. – Alexandria (VA), 1993. – Vol. 27, N 2. – P. 259–275.
16. *Romaine S.* The impact of language policy on endangered languages// Intern. j. on multicultural societies. – P., 2012 – Vol. 4, N 2. – P. 32–54.
17. *Schiffman H.* Linguistic culture and language policy. – L.: Routledge, 1996. – 351 p.
18. *Silvia-Corvolan C.* Spanish in the South-West // Languge in the USA: Themes for the twenty-first century. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 205–229.
19. *Spolsky B.* Sociolinguistics. – Oxford: Oxford univ. press, 1998. – 128 p.
20. *Zentella A.C.* Spanish in the Northeast // Language in the USA: Themes for the twenty-first century. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 182–204.